

ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ В АДЫГСКИХ СКАЗКАХ

Хагожеева Лиана Славовна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liana.1771@mail.ru

В статье изучается эстетическая функция и характер художественного отражения мотива защиты воинской чести в сказочном эпосе адыгов. В традиционном адыгском обществе понятие чести тесно связано с представлениями об авторитете и репутации воина-рыцаря. Именно поэтому для него, страстно жаждущего славы и признания, защита чести являются долгом и смыслом всей его жизни. Соответственно, этот мотив стал приоритетным и для идеального героя в фольклоре, в частности, для сказочного героя, в образе которого, как нельзя лучше проявляются все грани рассматриваемого явления.

Обращение к данной теме продиктовано, прежде всего, необходимостью создания единой картины художественного восприятия, отразившегося в жанре сказочной прозы, позволяющего глубже понять специфику понятия воинской чести адыгов, выявить ее нравственные и эстетические особенности.

Рассматриваются формы объективации в фольклоре нравственно-этических установок и норм, которые составляли основу мотива рыцарской чести, в частности, уважение по отношению к другим и к самому себе, верность данному слову, благородство и снисходительность к человеку, независимо от социального статуса и возраста, искренность и прямоту, справедливость и добродетельность и т.д. Привлекаются сравнительные материалы из фольклорных и этнографических источников.

Ключевые слова: адыгское общество, воин-рыцарь, сказочный герой, образы, мотивы, сюжеты, честь, достоинство.

Как известно, фольклор характеризуется специфическими особенностями, одной из которых является типологическое сходство мотивов, сюжетов и образов у многих народов мира, что наглядно отражено, например, в известном указателе сюжетов Аарне-Томпсона [Thompson S 1961]. Однако налицо и существенные особенности в большинстве случаев они проявляются в характере отражения в нем менталитета, свойственного определенной этнической традиции. Другими словами, один и тот же мотив каждый народ пропускает через призму своих этических и эстетических представлений.

Издавна закрепившиеся в адыгском традиционном обществе нравственные и моральные устои нашли отражение в фольклоре и впитали в себя систему мировоззрения, особенности мышления адыгского традиционного общества и нередко являются главными маркерами в реализации фольклорных мотивов. Таким образом, один и тот же мотив каждый народ пропускает через призму своих этических и этикетных правил. Так, сюжет *AT 516 Верный слуга* [Сравнительный 2018: 576] является общим для многих народов, однако адыгская сказка отличается от сказок других народов тем, что в ней используются мотивы, основанные на обычаях адыгов. Например, существует правило, которое строго регламентирует пространственное расположение, которое должны занимать путники по отношению

друг к другу, в основе чего лежит модель «старший – младший». Согласно этикету, если путников двое, младший должен ехать (или идти) с левой стороны. Когда путников трое, самый младший находится с правой стороны. Если старшему понадобится послать его с каким-то поручением, ему не надо нарушать общий строй. Так в сказке «Сын батрачки» молодой князь узнает тайну трех всадников, с которыми он выехал на охоту: оказалось – его спутники девушки. Путешествие тут же прерывается, и по предложению спутниц княжича, они пускаются в обратный путь. Статус молодого князя меняется. Теперь он, мужчина, старший и, в соответствии с этим, изменяется и его место внутри группы: *«Теперь юноша ехал в середине, а девушка, которой он коснулся ночью, поехала слева – теперь она, как младшая, должна была обслуживать своих спутников. Когда вечером сделали привал на обратном пути, девушка пошла в лес, добыла козу, приготовила ужин. Юноше отдали лучшие куски, в знак уважения в его присутствии не садились»*. [Хагожеева 2018: 155–161].

Как видно, общефольклорный сюжет, впитал в себя правила адыгского этикета, отражая специфику данной этнической традиции. Подобное характерно не только для устного творчества адыгов, но и для фольклора всех народов мира, и благодаря этому, на наш взгляд, универсальный сюжет становится достоянием того или иного народа.

В этом плане интерес представляет мотив воинской чести в адыгских сказках. Так, в основу понятия воинской чести легла система нравственно-этических установок и принципов адыгского этикета – *адыгэ хабзэ* и более усложненной ее формы *уэркъ хабзэ* (дворянский этикет). Они в совокупности регулировали человеческие взаимоотношения и поддерживали лучшие черты личности индивидуума, его достоинства, самоуважения, уважения к ближнему. Даже незначительное отступление от этих установок в аристократической среде считалось нарушением правил рыцарской военной чести. В сфере художественного творчества, строгое следование данным принципам стало одним из способов идеализации фольклорного героя.

По сути, понятия *уэркъыгъэ*, *уэркъ хабзэ* содержат не только императивы поведения людей социальной элиты, но и всякого человека, сохраняющего собственное достоинство. Следовательно, понятие *уэркъыгъэ* определяет не только сословную, кастовую принадлежность, но и духовное состояние. В соответствии с этим, герои адыгских сказок, независимо от сословной принадлежности являются носителями воинской чести, неукоснительно следующие принципам и установкам *уэркъ хабзэ* и предстают ревностными блюстителями этических предписаний кодекса *уэркъ хабзэ*.

Таким образом, защита воинской чести, была основным мотивом в адыгских сказках, была ориентирована на добродетельность, великодушие и терпимость к окружающим и использовалась для идеализации фольклорного героя. По мнению Бгажнокова Б.Х. это «...право человека на уважение независимо от возраста, пола, социальной и расовой принадлежности. Устанавливается, иначе говоря, персональное правовое поле личности, в которое не должен вторгаться никто. Осуждается всякое посягательство на честь и достоинство личности» [Бгажноков 2010: 36].

Малейшее проявление невежества, высокомерия и унижения князя или уорка друг к другу и даже к низестоящим, лишает не только уважения окружающих, но самоуважения. Как заметил Б.Х. Бгажноков, в сознании адыгов лежит правило, «оказывая уважение людям, показываешь насколько ты уважаешь себя». Это правило выражается в суждении «Цыхум хуэщI пщIэр зыхуэщIыр уи щхъэш» – «Уважение, которое оказываешь другому, это уважение, которое ты оказываешь самому себе». Это правило действует, в первую очередь, для утверждения личного достоинства. Кроме того, это установка на взаимное почтительное отношение.

Проявляя уважение к окружающим, личность мотивирует ближнего на уважительное отношение к самому себе.

Это отчетливо отражено в мотиве социального неравенства, где во многих случаях, крестьяне оказывали честь достойному князю, не проявляя при этом лишнего самоунижения, а недостойному впрямь были дать отпор, вне зависимости от социального статуса. Так, например, в сказке «Лыукъыкъуэ» – «Долина смерти мужчин» против князя Аслануко выступили герои из простого народа Исмел и его сын Озырмес, которые лучше него знали навыки охоты и превосходили его в мужестве. Чтобы избавиться от соперников, князь намеренно отправил в Долину смерти мужчин, сначала отца, затем и его сына. Но, Озырмес сумел вернуться из долины, откуда никто не возвращается, наказал жестокого князя и увел за собой всех жителей аула [Таурыхъэмрэ 1970: 72]. Далее в сказке говорится, что одичавший князь, оставшись без своих подданных, с приросшей к его голове шкурой с рогами, остался пастись в лесу вместе с козами. Подобное отражение образа князя в фольклоре, согласно мнению Бгажнокова Б.Х., связано с оппозицией «благородный» – «неблагородный», которая культивировалась правящим классом в целях оправдания господства над народными массами. «Противопоставление своего класса, класса благородных, классу угнетенных слоев населения было еще одной жизненно важной формой социальной активности князей и дворян» [Бгажноков 2011: 66]. В крестьянской среде подобная установка князей и уорков вызывала ответную негативную реакцию, в силу чего возникло двойственное отношение к феодальной знати, с одной стороны, они – защитники народа, а с другой стороны – угнетатели. Поэтому и в сказках находит отражение право подданных покинуть своего князя, если тот, вопреки понятию чести нарушал права и достоинство личности.

Понятие о чести как о строгом следовании нравственно-этическим правилам адыгэ хабзэ включало в себя и понятие верности данному слову. Следуя этому принципу, герой сказки проявлял стойкость и настойчивость на пути к выполнению данного им обещания. Герой сказки «Приключения Зедеба» отправился на поиски Молчаливой Сурет, обещав себе сдержать свое слово, каких бы усилий это не потребовало [Адыгские 1993: 127].

В сказке «Пшитль», иныжи взяли в заложники мальчика, который должен был помочь им украсть дочь ногайского хана. Мальчик просит их отпустить его и дает слово вернуться с рассветом. Ему поверили и отпустили. Согласно кодексу чести, мальчик сдержал слово, вернулся в обещанное время [Адыгские 1993: 218].

В сказке «Сын батрачки», князь, несмотря на то, что сам остается бездетным, отдает батрачке сына, поскольку обещал не забирать у нее ребенка, если он родится. И чтобы оставаться верным слову чести, после рождения мальчика, отдал его батрачке [Сказания 1987: 254].

В аристократической среде проявление этого принципа наблюдалось более ярко. Это выражено в образе князя Асланбека Конова, которого уместно представить в качестве доказательства.

Проезжая родное село, молодому спутнику князя Асланбека захотелось повидать мать и просит отпустить его к ней, обещая вернуться. Асланбек отпускает его и остается его ждать. Тот возвращается только утром. Конов, честно прождавший своего спутника до его возвращения наказывает невежу оригинальным образом, преподав ему урок этикетного поведения: *«Клуэ тIсэ, а фIыуэ плъагъу уанэм деж кIуэжи фыпсэу фызырегуакIуэу. Ар нэхъыфIиц. Уэ сэ гъусэ укъысхуэхъункъым дянэкIэ!»* – жиIэри, ицIалэр кыгъэнэжри, езыр кIуэжаиц» – «Иди, малыш, к своей любимой маме и живите с ней в радости. Так лучше будет. Моим спутником тебе больше не быть», – сказал он и уехал» [Архив ИГИ КБНЦ РАН, Ф. 12. Оп. 1. Папка № 23-е. Паспорт № 5].

Герой предания проявляет все предписания кодекса чести адыгского воина: верность слову, сдержанность, благородство и снисходительность по отношению к значительно уступающему ему по возрасту и социальному статусу юноше.

Представления о воинской чести сопряжены с непримиримостью ко лжи, искренностью и прямодушием, как важнейшими качествами личности. В сказке «Долетмиз» этот принцип отражается в образе главного героя: «Если вернусь ни с чем – позор мне! Узнаю, что случилось с этим драконом–благо. Если возвращусь к людям с правдивым хабаром, мне не придется краснеть» [Адыгские 1993: 191].

Долг чести является одновременно и долгом справедливости и добродетельности. В соответствии с этим, адыгский воин мотивирован, делать добро. Именно поэтому, герои адыгских сказок выступают, прежде всего, защитниками слабых и угнетенных. Эту особенность адыгского менталитета отметил в свое время Эдмонд Спенсер. Он писал, что адыги очень милосердны. Долг чести любого адыга оказать помощь тому, кто в нем нуждается. Если вдруг человек останется без крова, потеряет стадо или урожай, долг каждого помочь ему. Сирота не останется бездомным при живых родственниках. Бедный не будет плакать у двери богатого, он получит необходимую поддержку [Спенсер Э. 1994: 117].

В кодекс чести адыгского дворянства скромность в характере считалась необходимым компонентом. Скромность подразумевала неприемлемость хвастовства и даже пространных рассказов о своих благих делах и подвигах. Считается непристойным восхваление не только собственных достоинств, но и достоинств своих близких. И, тем не менее, член общества был ориентирован на то, чтобы обрести славу и это побуждало его к действию. В этой скромности таилось его страстное желание к тщеславию. Он мечтал, чтобы заметили и оценили его достоинства. По мнению Б.Х. Бгажнокова, «желание заслужить славу удачливого наездника, храброго воина, человека неутомимого во всех делах и к тому же гостеприимного и на черкесский манер галантного превратилось в господствующую тенденцию жизненных устремлений военно-феодалной знати, подчас остро, болезненно переживаемую. Это была страсть, близкая к состоянию *idée fixe*» [Б.Х. Бгажноков 1983: 84]. В соответствии с этими установками, пытаясь спасти свою честь герой сказки старый Ногай прибегает к лжи. Он обладал репутацией безупречного наездника, но сколько раз не пытался привести прекрасную Гагулез, ему этого не удавалось. Для того, чтобы сохранить свою честь старый Ногай решает прикинуться слепым и раскрывает правду только тогда, когда его сын привозит Гагулез [Адыгские 1993: 267].

Желание спасти свою честь заставило его пойти на такое безумие. Однако, представление о чести и высокие рыцарские качества сына не позволили ему больше скрывать правду.

Представители военно-аристократических сословий во всех жизненных обстоятельствах руководствовались понятием чести, которое диктовало поведение противников в сражении или поединке. Надо сказать, что без веских причин не принято было браться за оружие, сдержанность как достоинство ценилось так же высоко, как и мужество. Но если все же, дело доходило до открытого противостояния, противники должны были предложить друг другу право первого удара, делиться оружием и едой и в случаях, когда это было уместно, оказывали друг другу знаки гостеприимства. Таким образом, сражение сопровождалось правилами «благородной вражды». Об этом мы писали в статье «Семиотика поединка в адыгских сказках», но так как одни и те же принципы могут составлять основу разных мотивов, мы рассматриваем их снова, но преимущественно в другом ракурсе. Так в сказке «Бэчыр Къетыкъуэ и таурыхъ» – «Сказка о Бекире Кетуко», противник героя-богатыря девушка-воительница, переодетая в мужскую одежду, следует правилам «благородной вражды». Противники сражались три дня. После дневного сражения девушка-воительница назначала встречу на следующее утро, и, каждый раз приносила своему противнику то же самое, что сама ела: «Шейбжьыщ къыхуихъат, зы лэкъум цыкIу и гъусэу: «Сэ сшха дыдэр уэри къыпхуэсхъащи, мэ шхы!» – жиЭри». – «Возвратившийся всадник принес

три стакана чая и один лакум. «То, что я кушал, и тебе принес, на ешь!», – сказал» [Бухуров 2015: 84–85].

Отступление от кодекса чести было неприемлемым для адыгского воина. Нападение на безоружного считалось недостойным чести воина. Еще хуже, если имело место нападение на противника сзади. Не меньшим позором считалась гибель от удара в спину, что свидетельствовало о малодушии и бегстве. Эти принципы находят воплощение в фольклоре, в частности в сказочном эпосе. Так, например, в сказке «Три Магомета» (инв. № 1037) в ответ на предложение девушки убить спящего великана, он [главный герой / Магомет, сын князя] отвечает отказом: «Уэлэхьы, – жиІаш, – сэ апхуэдэ сыхуэмей, «иныжь жеяр букІаш», – жыпІану». – «Уаллахи, – говорит, – мне не нужно, чтобы ты сказала: «Спящего великана убил» [Бухуров 2015: 26–27].

Понятие чести также диктовало правила поведения воина, который должен быть готов к любым жизненным ситуациям, и по первому зову отправиться в путь с незнакомым человеком. Это правило описывает принцип «*Лы (уэркъ) здашэ цІэупцІэркъым*» – «Мужчина (дворянин) не спрашивает куда его зовут» [Адыгэ 1994: 60]. Здесь мы пытаемся подчеркнуть, что это правило является не только свидетельством мужества воина, но и своеобразной проверкой достоинств рыцаря, вызовом на защиту чести. Так, в сказке «Сын батрачки», незнакомый всадник бросает вызов молодому князю: «*Асланмиз, если ты такой храбрец, как о тебе говорят, поехали с нами!*» [Адыгские 1993: 279].

Другим примером объективирующим защиту чести героя является нежелание обладать добычей, доставшейся без боя, поскольку это считалось поступком недостойным мужчины. Так, герой сказки «Младший сын старика», украв девушку у иныжа, не спеша пустился в дорогу, чтобы тот смог догнать его и вступить с ним в поединок. [Адыгские 1993: 118].

Для адыгского воина попасть в плен значило потерять честь. Он предпочтет славную смерть, чем сдастся в плен, спасая свою жизнь. Даже женщины в аристократической среде подставлялись под пули, спасая себя от бесчестия, которое их могло ожидать в плену. Это подтверждают путешественники, которые писали, что адыгский воин сражается до последнего и никогда не сдастся в плен. [Бларамберг 1992: 40; Спенсер 1994: 108; Сталь 1900: 142].

Чтобы не попасть в плен, герой сказки «Большой Нормэр», просит своего противника убить его, пытаясь спасти свою честь: «*Не позорь меня, лучше сразу убей*», – *попросил я [Большой Нормэр] пленившего меня богатыря*» [Адыгские 1993: 229].

Понятие воинской чести самым тесным образом связано с защитой чести женщины. Никогда воин-рыцарь не позволит себе небрежное, снисходительное отношение к матери, да и вообще к противоположному полу. «Храбрые рыцари прежних времен никогда не оказывали более уважительной галантности к прекрасному полу, чем эти простые горцы...», – пишет Эдмонд Спенсер, заметив, что даже к бедной униженной женщине, которая на Востоке не будет пользоваться почетом, адыгский воин не может не проявлять уважения [Спенсер 1994: 117]. Это одна из граней проявления его благородства к бедным и униженным. Вот почему в адыгской сказке часто встречается мотив защиты чести женщины. Герои этих сказок приходят на помощь женщине, оберегают от всякого зла и несчастий, считая ниже своего достоинства оставить женщину в беде. Особое место здесь отводится почитанию матери. Почтительное отношение к своей матери – долг чести адыгского воина. В ее обществе мужчина-воин ведет себя крайне обходительно, независимо от возраста и социального статуса, осознавая, что женщина – домашний очаг, чья-то (или в будущем) мать, воспитанница будущего поколения. Об этом свидетельствует история о Жабаги Казаноко, которая описана в книге Л.А. Гутовой «Путь женщины в свете адыгского этикета»: «Однажды, когда Жабаги Казаноко сидел,

беседуя со своими друзьями, он увидел проходящую мимо девочку лет шести-семи. При виде ее Жабаги привстал в знак приветствия. Друзья стали подтрунивать над ним: «Эй Жабаги, как ты, уважающий себя и соблюдающий все обычаи, всташь из-за такой девочки?» На это мудрец ответил: «Эта девочка вырастет и войдет в чью-то семью, у нее будут дети, и она станет одной из воспитательниц наших потомков. Я встал на встречу будущему нашего общества». Услышав такой ответ, друзья Казанок ничего не смогли ему возразить» [Гутова 2010: 109].

По свидетельствам Л.А. Гутовой, если в пути мужчина встретил одинокую женщину, в его обязанность входило помочь ей и провести ее до нужного места. В аристократической среде это требование проявлялось более ярко. Так даже князь, обязательно оставлял своего спутника-оруженосца, чтобы тот оказал встреченной женщине необходимую помощь. Сам он оставался один. Как утверждает автор: «... это самый рыцарский поступок, поскольку остаться князю без своего оруженосца означало превратиться в обычного рядового человека» [Гутова 2010: 110].

С большим почетом относились даже к пленницам. Как утверждает Лапинский Т., их везли только верхом, посадив сзади себя на круп коня. Даже на войне не позволяли себе гнусности над женщинами [Лапинский 1995].

Соблюдение кодекса чести было не только обязанностью мужчин, но и женщин. Более того, они являлись носителями этого кодекса и, так как, он был основан на гуманизме и ориентирован на уважительное отношение к человеку, женщины, отвечали мужчине взаимностью.

Кроме того, что женщины являлись наставницами для будущего поколения, они выполняли очень важную функцию – формировали основные установки кодекса чести. «... Похвала женщины, – писал А.Г. Кешев, – подстрекала мужчину к отважным предприятиям, ибо сердце черкешенки принадлежало не тому, кто соединил в себе больше умственных и нравственных достоинств, <...> но лишь тому, кто соответствовал всем требованиям идеала наездника» [Кешев 1976: 337, 338]. Именно поэтому в адыгских сказках красавицы дают согласие на руку только после того, как жених пройдет все испытания, уготовленные для проверки его личностных и воинских качеств.

Нужно заметить, что, даже находясь вдали от своей родины, адыгская знать продолжала придерживаться принципов и установок адыгского кодекса чести. Это доказывает то, что в системе ценностей адыгского общества – следование принципам воинской чести было одной из важнейших его составляющих, смыслом всей его жизни.

Оно было одним из определяющих качеств личности в адыгском обществе, соответственно, и идеального героя в фольклоре. Это стало причиной появления в адыгском фольклоре мотива защиты воинской чести. В сказках он использовался для идеализации главного героя. При этом, в изображении идеального фольклорного персонажа особое внимание обращено на эстетическую функцию названного мотива.

Источники и литература

1. Адыгские народные сказания и сказки / сост., вступ. ст. и примеч. Ш.Х. Хута. Май-коп: Адыгейское книжное издательство, 1993. 336 с.
2. Адыгэ псалъэжъхэр (Адыгские пословицы) / сост. А.М. Гукемух, З.П. Кардангушев; вступ. ст. А.Т. Шортанова. Нальчик: Эльбрус, 1994. 223 с.
3. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 23-е. Паспорт № 5.
4. Бгажноков Б.Х. Антропология морали. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 128 с.
5. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 229 с.
6. Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 509 с.

7. *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1992. 240 с.
8. *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 160 с.
9. *Гутова Л.А.* Путь женщины в свете адыгского этикета. Нальчик: Издательство М и В. Котляровых, 2010. 212 с.
10. *Кешев А.* Избранные произведения / вступ. ст., подг. текстов Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1976. 264 с.
11. *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-Фа. 1995. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Lapinskij/text12.htm> (дата обращения: 26.09.2019).
12. Сказания и сказки адыгов / сост., вступ. ст. и коммент. Ш.Х. Хут. М.: Современник, 1987. 320 с.
13. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкессию [Электронный ресурс] / Э. Спенсер; предисл., пер. и коммент. Н. Нефляшевой. Майкоп: Адыгея, 1994. 153 с. Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/156/24240-2.php> (дата обращения: 26.09.2019).
14. Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона // Адыгские сказки. Т. II. Волшебные сказки / сост., вступит. сл., коммент., указатель сюжетов Тхамоковой (Браевой) Ж.Г. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 592 с.
15. *Сталь К.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т. 21. Отд. 2. С. 53–173.
16. Таурыхъэмрэ хьыбархэмрэ (Предания и сказки). Нальчик: Эльбрус, 1970. 156 с.
17. *Хагожеева Л.С.* Коммуникативные императивы в адыгских сказках // Вестник КБИГИ, 2018. № 4 (39). С. 155–161.
18. *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. 588 p.

PROTECTION OF MILITARY HONOR AS A SUBJECT-FORMING MOTIV IN ADYGE TALES

Hagozheeva Liana Slavovna, Candidate of Philology, Junior Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liana1771@mail.ru

The article studies the aesthetic function and the nature of the artistic reflection of the motive for the defense of military honor in the fairy tale epic of the Circassians. In a traditional Adyghe society, the concept of honor is closely connected with ideas about the authority and reputation of a knight warrior. That is why for him, passionately hungry for fame and recognition, the protection of honor is the duty and meaning of his whole life. Accordingly, this motive has become a priority for the ideal hero in folklore, in particular, for the fairy-tale hero, in the image of which all the facets of the phenomenon under consideration manifest themselves in the best possible way.

The appeal to this topic is dictated, first of all, by the need to create a single picture of artistic perception, reflected in the genre of fairy tale prose, which allows one to better understand the specifics of the concept of military honor of the Circassians, to reveal its moral and aesthetic features.

The forms of objectivization in folklore of moral and ethical attitudes and norms, which formed the basis of the motive of chivalrous honor, in particular, respect in relation to others and to oneself, fidelity to this word, nobility and condescension to a person, regardless of social status and age, are examined. and straightforwardness, justice and virtue, etc. Comparative materials from folklore and ethnographic sources are involved.

Keywords: Adyghe society, warrior-knight, fairy-tale hero, images, motives, plots, honor, dignity.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-131-137